

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СИЛОВОГО НЕРАВЕНСТВА И ВЛАСТИ

А.С. СКОРОБОГАТОВ

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики,
e-mail: skorobogat@mail.ru

В статье рассматривается организационное неравенство как характеристика общественного строя и фактор социально-экономического развития. Обсуждается в историческом аспекте неоднозначное отношение государства к открытости организационных возможностей для управляемого населения. Предлагается игровая модель конвенциональных ожиданий как фактора устойчивости общественного строя. Вводится разграничение между безличной и личной диктатурами, а также между старой и молодой личной диктатурами. Анализируются предпосылки, определяющие жизнеспособность этих общественных устройств и последствия для организационного и силового равенства.

Ключевые слова: конвенциональные ожидания; диктатура; демократия; организационное неравенство; эксплуатация; оседлый бандит.

The paper considers the organizational inequality as a characteristic of a societal system and a factor of social and economic development. An ambiguous treatment on the part of states to their subjects as to availability of the organizational alternatives for them in history is discussed. A game model of the conventional expectations as a factor of sustainability of societal systems is developed. A distinction between impersonal and personal dictatorships as well as between old and adolescent dictatorships is contributed. Prerequisites for validity of these dictatorships and their consequences for the organizational and force inequalities are analyzed.

Keywords: conventional expectations, dictatorship; democracy; organizational inequality; exploitation; stationary bandit.

Коды классификатора JEL: B52, D71, D72.

В современной экономической литературе большое внимание уделяется организации, как источнику эффективности. Классическая идея А. Смита о степени развития рынка как главном факторе разделения труда, по существу, сводится к подчеркиванию значимости одной из организационных альтернатив для экономического прогресса. Развитием этой идеи в рамках неинституциональной теории стала предложенная О. Уильямсоном классификация альтернативных организационных форм, способствующих разделению труда. В последней книге Д. Норта предлагается простой статистический критерий организационного развития, сводящийся к сравнительному количеству организаций в разных странах. При межстрановом сопоставлении это количество в современных богатых странах оказалось многократно превосходящим их численность в странах бедных [26, р. 7-11].

Значит, чем легче формировать организации, чем более открыт доступ к разнообразным организационным формам для широких слоев общества, чем, соответственно, больше организаций и чем они разнообразнее, тем глубже должно быть разделение труда. Сложность и прогрессивность общества определяется легкостью создания новой организации и вытекающего отсюда их количества. Соответственно, разница в темпах роста во времени между доиндустриальной и индустриальной эпохами должна объясняться возникшей в Новое время в западном мире тенденцией к увеличению доступности организации.

Тем не менее, в большинстве обществ как в прошлом, так и в настоящем создание организаций ограничивается государством. Несмотря на очевидный результат этих ограничений в виде упущенных возможностей роста, элиты в таких обществах обычно не торопятся снимать эти ограничения. В настоящей статье обсуждаются причины такой приверженности обладающих властью к организационным ограничениям в контексте сравнительного анализа общественных систем.

Взаимосвязь между организационным и силовым неравенством

Любые действия индивидов, будь то в сфере производства или распределения, при любом решении дилеммы “take or take”, зависят от наличия у них возможностей участвовать в соответствующей организованной деятельности. Организация является и источником силового потенциала, включая доступ к оружию. Люди вступают в организации с целью увеличения силы и получения статуса.

Каждый в организации становится сильнее, но его сила возрастает пропорционально его начальному запасу силы. Например, контракт патрона и клиента — это организация, усиливающая их обоих, но не сравнивающая друг с другом. То, что источником силы является не только человек, но и организация людей, объясняет, почему государство может так бояться организованной оппозиции, несмотря на то, что располагает необходимыми силовыми ресурсами для ее подавления. Эти опасения связаны с указанным свойством организации. Ведь по мере укрепления любая вновь возникшая организация может обрести доступ к силовым ресурсам, изначально находящимся в распоряжении государства.

Различие в условиях доступа к организации оказывается важнейшим источником неравенства силовых возможностей людей. То, что в основе силы лежит использование не столько индивидуальных способностей, сколько преимуществ организации, означает, что общество строится как контракт между группами с различными организационными возможностями и проистекающим из них различным силовым потенциалом. Тем самым, используемые в модели М. Олсона [23] понятия бандита и жертвы выступают как крайние точки целого спектра отношений между индивидами и группами различной силы. Различие силовых возможностей порождает иерархию — совокупность закрытых каст, отношения между которыми строятся по вертикали, так что конкуренция возможна лишь внутри каст, но не между ними. В соответствии с местом в иерархии формируется система прав собственности и соответствующее ей распределение дохода по сравнительному силовому потенциалу.

Поскольку неравенство организационных возможностей порождает иерархию с соответствующими выгодами от распределения для обладателей высокого статуса, последние должны быть заинтересованы в создании ограничений на доступ к организации. Организационные ограничения являются основным принципом поведения власти, следование которому обеспечивает ей как организованной группе силовое превосходство над другими людьми и, тем самым, служит залогом сохранения положения.

Если источником силы является организация, то воспроизводство любой сложившейся иерархической структуры должно обеспечиваться за счет различий в ее доступности для разных социальных слоев. Открытый доступ к формированию организации должен иметь место лишь на самом верху общества, внизу он должен быть полностью закрыт, а между этими крайними стратами должны располагаться промежуточные состояния в плане возможностей организации.

Помимо подавления попыток создания организаций представителями низов стоящие у власти должны обнаруживать стремление направлять эти попытки в нужное им русло — поощрять организационные новообразования, укрепляющие их позиции, и преследовать все остальные. Чтобы быть преследуемой, новой группе достаточно быть просто нейтральной, поскольку любая организация — источник силы, а всякая сила должна быть подчинена власти. Фактически, организация как источник силы должна восприниматься властью в том же ключе, что и собаки¹ или оружие, поскольку залогом его является контроль над всем, что сообщает силу, в том числе над организацией.

Диктаторские режимы в истории, по-видимому, вполне следовали этому принципу. То, что любая организация, если она независима от диктатора (или, в более широком смысле, от хозяина некоей территории), таит в себе угрозу его власти, было рано осознано и многократно проверено

¹ А.И. Солженицын указывал на подозрительность советского режима ко всему, что могло бы усилить простых граждан: «в последовательной борьбе против отдельности человека социалистическое государство... стал[о] преследовать... собаку... ведь собака не слушает радио, не читает газет, это как бы неконтролируемый государственный гражданин, и физически сильный, но сила идет не для государства, а для защиты хозяина как личности, независимо от того, какое состоится о нем постановление в местном совете и с каким ордером к нему придут ночью» [11, с. 398].

опытным путем как в древней, так и средневековой римской истории. Т. Моммзен отмечает такое неотъемлемое свойство организации рабовладельческого хозяйства, проявлявшееся с ранних времен периода республики, как систематическое поощрение хозяевами раздоров между рабами и создание ими препятствий для дружбы между ними. Для этого, в частности, хозяева должны были избегать того, чтобы их рабы были одного племени, поскольку иначе возникала бы угроза заговора с их стороны против своего хозяина [7, т. I, с. 832].

В пользу того, что это не просто частный случай, а общая закономерность, говорит следование аналогичному принципу в отношении зависимого/порабощенного населения со стороны хозяев, действовавших в совершенно другие эпохи и на других территориях. Так, согласно Р. Фогелю, хозяева плантаций Нового Света действовали примерно в том же стиле, что и древнеримские рабовладельцы. Когда в середине XIX в. аболиционисты пытались вызвать восстание рабов, южные штаты издавали законы, ограничивающие внеплантационные перемещения рабов и их неконтролируемые встречи, запрещающие школы для обучения рабов грамоте и требующие присутствия белых надзирателей на плантациях [19, р. 43-44].

На такую же линию поведения правителей указывает и К. А. Виттфогель при описании дальневосточных «гидравлических обществ». Типичный восточный правитель при принятии решений относительно управления своими подчиненными, подобно описанным рабовладельцам стремился к преодолению социальной однородности чиновников (например, за счет возвышения низов), видя в этом путь к контролю над ними [31, р. 346].

Схожая закономерность проявлялась и в запрете со стороны римских императоров почти любых видов сходок, кроме официальных собраний, признанных государством, что стало одной из причин гонений на христиан, собиравшихся на свои богослужения [1, с. 25-26]. И, в плане обеспечения долговременных предпосылок своей власти, они, возможно, не ошибались, если принять во внимание изложенную Э. Гиббоном историю упадка западной части империи, которая содержит в том числе указание на рост христианской церкви как независимой от государства организации, постепенно ослаблявшей его собственный организационный потенциал [20, ch. XV, XXXVII].

Опасность развития независимых от государства организаций в римской истории проявилась даже с такой неожиданной стороны как увлечение народа скачками на ипподроме Константинополя. В эпоху своего расцвета в средневековый, византийский, период римское общество пережило гражданскую войну, а самый знаменитый император этого периода, Юстиниан, едва не лишился власти и жизни лишь по причине конфронтации «синих» и «зеленых» — болельщиков на скачках, — ставшей причиной грандиозного бунта, который получил название «Ника» [20, ch. XL].

Фактический запрет собраний имел место в советском обществе при Сталине, когда любая сходка и даже любая дружба были под подозрением. Важнейшим критерием благонадежности было отчуждение человека от остальных сограждан. В атомизации общества власть усматривала гарантию собственного силового превосходства над потенциальными конкурентами [13, гл. 5].

Влияние организационного неравенства на потенциал экономического роста

Ограничения организационных возможностей для большинства населения особенно характерны для доиндустриальных обществ, в связи с чем Норт с соавторами обозначают соответствующий им строй как «порядок ограниченного доступа» [26]. Поскольку организации, нацеленные на производство и на распределение, невозможно однозначно разграничить, ограждение высшими своего статуса, выражающееся в создаваемых ими ограничениях доступа к организации, неизбежно создает препятствия для формирования производительной деятельности.

Такое организационное неравенство может служить одним из объяснений характерной для доиндустриальной эпохи долговременной тенденции функционирования в режиме нулевого экономического роста. В доиндустриальном мире производство — удел слабых, не способных реализовать себя на силовом поприще, открывающем доступ к сфере распределения. Но в силу указанных организационных ограничений производительная деятельность оказывается вдвойне ущемленной сравнительно с деятельностью распределительной, поскольку не только осуществляется в отсутствие стимулов к накоплению и развитию из-за неизбежного отчуждения прибавочного продукта в пользу сильных, но и остается отрезанной от организационных возможностей, которые могли бы обеспечить ее эффективность.

Организация требуется и для успешной хозяйственной деятельности как источник экономических преимуществ, чтобы сделать ее эффективной, и как источник силовых преимуществ, чтобы

создать надлежащие стимулы, связанные с возможностями накопления. Отсутствие этих организационных возможностей у большинства занятых хозяйством в доиндустриальном мире делает его неспособным к долговременному экономическому росту.

В индустриальную эпоху происходит интенсификация развития, вызвавшая не только устойчивый экономический рост, но и рост душевого дохода. Другая общеизвестная тенденция современной истории состоит в том, что наиболее богатые страны, если не считать нефтяные державы, обычно имеют высокие рейтинги в плане имеющих у них институтов демократии и прав собственности. С учетом этих одновременных тенденций обычно выстраиваются объяснения экономического роста в индустриальном мире.

Объяснение Норта [26] основано на противопоставлении успешных индустриальных стран и всех прочих обществ по такому критерию как рассеянность силового ресурса в обществе. Доиндустриальные и, шире, не входящие в разряд успешных индустриальных стран, общества рассматриваются как подверженные различной степени рассеянию контроля над силовыми ресурсами среди разных сословий. Рассеянность контроля над силовым ресурсом предполагает его различную концентрацию на разных сегментах общества, откуда и иерархическое строение обществ. Этому соответствует и более ранняя идея Норта о неравном распределении налогового бремени в зависимости от потенциальной опасности для власти со стороны недовольных в том или ином сегменте общества [25, ch. 3; 26]. Этот принцип в отношении налогообложения является частным случаем одного из более общих принципов, развитых Н. Макиавелли, согласно которому правителю следует стараться «не вызвать всеобщей ненависти. Если же это окажется невозможным, он должен приложить все старания к тому, чтобы не вызывать ненависти у тех, кто сильнее» [5, с. 101].

Развитие общества на началах конкуренции, естественно воспринимаемое как результат преодоления вековой инерции разбиения общества на статусные группы, Нортом мыслится как процесс собирания силового ресурса в руках монополиста. Консолидация военного потенциала, «монополия на насилие», должна привести к равенству всех, как лишенных силового ресурса, что отличает эту ситуацию от ситуации рассеянного контроля над силовым ресурсом с вытекающим отсюда неравным его распределением и иерархией. Поскольку разбиение общества на группы в этом случае не предполагает рассеяния силового ресурса, отношения между индивидами и группами должны строиться по горизонтали и на основе конкуренции, в результате чего распределение дохода будет осуществляться не по силовому статусу, а по оценке со стороны общества оказываемых ему услуг.

Чем эта ситуация отличается от отношений оседлого бандита — обладателя монополии на насилие — и избираемого им населения? Ведь равенство всех перед лицом всемогущей структуры, обладающей исключительным правом доступа к силовому ресурсу, по-прежнему предполагает иерархию — в данном случае государства и подданных, что в марксистской литературе обозначается как «азиатский способ производства». Ответ Норта состоит в том, что в развитом индустриальном обществе имеет место контроль всех над всеми, в частности, армия и полиция находятся под контролем государства, а государство под контролем избирателей. Подконтрольность каждого препятствует использованию силового ресурса в личных интересах и, значит, исключает эксплуатацию.

В качестве критерия для оценки действий каждого выступает закон. Закон как единый стандарт для всех ставит всех в равное положение. Поскольку закон безличен, он придает и безличный характер всем общественным отношениям. Такая безличность порождает равенство и, потому, с древности было осознано и сформулировано устами Гераклита, что именно простой «народ должен сражаться за... закон, как за стену [города]» [14, с. 247]. В истории римской республики как раз от плебейских низов и исходили такие усилия, способствуя, в конечном счете, принятию Законов двенадцати таблиц. Выигрыш плебеев в данном случае состоял в том, что законы через формализацию способствовали уравниванию их в правах с патрициями [7, т. I, с. 282].

Всеобщее же равенство и безличность отношений порождают конкуренцию во всех сферах жизни, следствием чего должны стать большая гибкость такого общества перед лицом шоков и, соответственно, большая стабильность функционирования и развития. Подход Норта, по существу, сводится к тому, что в основе равенства и конкуренции лежит общественная монополия на насилие, предполагающая подконтрольность всему обществу каждого, кто имеет непосредственный доступ к нему.

Как осуществляется этот контроль? За счет причастности каждого к некоей организационной структуре, позволяющей следить за использованием аппарата насилия и наказывать за злоупотребление им. Без наказания контроль не имеет смысла, поскольку не будет представлять надлежащей

угрозы за злоупотребления, а при их обнаружении не обеспечит их искоренение. Но применение наказания само по себе уже нуждается в некоем средстве принуждения и, тем самым, опосредованного доступа к аппарату насилия. Без этого невозможно применение наказания, и, значит, в обществах, где такой контроль эффективно осуществляется, имеет место некая форма общественного, всеобщего, контроля над силовыми ресурсами.

Тем самым, логическое развитие данной концепции позволяет сделать вывод, что в основе равенства и конкуренции лежит не концентрация доступа к аппарату насилия в определенных руках, при которой все остальное общество было бы полностью отчуждено от силового ресурса, а по-прежнему именно рассеяние, но равномерное, силового ресурса. Прогресс в данном случае должен состоять не в возникновении монополии на доступ к силовому ресурсу, а в уравнивании его распределения среди всего общества. Поскольку же в основе силового потенциала индивида или группы лежит доступ к организации, такое уравнивание в распределении силового ресурса требует равенства в доступе к организации.

Олсон в качестве условия возникновения демократии указывал как раз на рассеяние силы между различными группами и лидерами, при котором никто не может стать автократом. Балансу сил благоприятствует также и то обстоятельство, что возвышение отдельного лидера не соответствует интересам наиболее сильных его конкурентов, поскольку, возвысившись, тот попытается их устранить [27, с. 31]. Отсутствие кого-либо, наделенного достаточной силой, чтобы победить остальных претендентов на власть, является условием не только возникновения демократии, но и ее сохранения. В этой рассеянности силы и заключена сила демократии. Если же сила сконцентрируется в одних руках, ничто не помешает ее обладателю установить свою власть под любым названием, поскольку «сила легко получает наименования, а не наименования силу» [6, с. 168].

Предпосылкой для такого перерождения демократии могут служить процессы, получившие название «железного закона олигархии», в соответствии с которым все организации постепенно захватываются их лидерами, каковые образуют элиту. Далее, если среди организованных групп специальных интересов выделится наиболее сильная и начнет доминировать, это положит конец реальной демократии [16, р. 359].

Баланс сил может породить феодальную раздробленность с множеством мелких политических единиц. Поэтому установление демократии требует также тесной взаимозависимости равносильных групп. Такая взаимозависимость может возникнуть в результате острой потребности в объединении сил против общего врага или для решения общей задачи, как это было в античной Греции с типичными для нее союзами городов.

Если суммировать изложенное, развитие Запада в Новое время может быть представлено следующим образом. Прогресс военных технологий в Новое время вкупе с развитием рыночной экономики и соответствующего ему углубления специализации привели к усилению зависимости силового ресурса от хозяйства. Это привело к увеличению переговорной силы индивидов, занятых хозяйством, что, в свою очередь вызвало увеличение их доли в распределении и, следовательно, их повышение в иерархии. В результате хозяйство постепенно перестает быть проклятием слабости, перемещаясь вверх в иерархии видов деятельности [17; 10]. Теперь в руках «хозяйственников» стал образовываться излишек сверх минимума средств существования, обеспечивший им возможность накопления и развития. Вместе с тем, их повышение в иерархии расширило доступные им организационные возможности.

Конечно, повышение статуса и расширение организационных возможностей стало возможным для рыночного хозяйства и занимающих в нем лидирующие позиции «князей торговли» [2, гл. 4], а не для основной массы крестьянского населения, ведущего натуральное хозяйство. Однако логика развития рыночного хозяйства предполагает его экспансию, что делает неизбежным постепенное вовлечение в него все более широких слоев населения за счет отрыва от его традиционных видов деятельности. Вовлечение же в рыночную сферу основной массы людей должно создавать предпосылки для повышения их статуса вместе с более высоким статусом их занятий. Вызванное этим сглаживание статусных различий должно приводить к выравниванию доступа к организации и вместе с ним — к выравниванию распределения силового ресурса.

Так, равный доступ к организации, создавая иммунитет от экспроприации и расширяя организационные возможности хозяйства, должен привести к систематическим экономическим инвестициям, организационному развитию хозяйства и вытеснению вертикальных (иерархических) отношений горизонтальными (конкурентными).

Ключевое значение здесь имеет связь между доступностью организации и равенством в распределении силового ресурса. «Порядок открытого доступа», тем самым, должен быть обществом, состоящим из равносильных групп, поскольку равный доступ к организации означает выравнивание силовых возможностей индивидов и, соответственно, дохода. Иными словами, доступность организации задает меру эксплуатации одних другими или, что то же самое, степень конкуренции. Равный силовой потенциал образующих общество групп, обеспечивая баланс сил и интересов, должен привести и к симметричности в общественных отношениях и, значит, придать им неэксплуататорский, конкурентный, характер².

Конвенциональные ожидания, общественный строй и доступность организации

Итак, поскольку источником силы является доступ к организации, силовое и, тем самым, правовое равенство требует равенства организационного. Важнейшим элементом организационной структуры, обеспечивающей всем доступ к контролю над другими, является верховенство закона, уравнивающее всех перед этим безличным принципом подобно всеобщему равенству перед всемогущим властелином при диктаторском режиме. Верховенство закона, по Норту, является достаточным объяснением возникновения конкурентной среды в западных обществах.

Однако верховенство закона само нуждается в объяснении. Пока до конца неясно, что позволяет в ряде демократических стран установить верховенство закона; в чем реальная разница в положении диктатора, который, пользуясь своими силовыми ресурсами, действует, как захочет, и демократического правителя, который не может себе этого позволить.

Как поясняет Норт, демократический правитель связан общественным контролем в условиях контроля всех над всеми: армия и полиция под контролем государства, а государство — под контролем избирателей. Но демократический правитель может, опираясь на контролируемый им аппарат насилия, пренебречь общественным контролем и, в конечном счете, перестроить систему, создав диктатуру под фасадом демократических институтов. На эту возможность указывают многочисленные исторические примеры, в том числе и из советской истории.

Здесь требуется выяснить, от чего зависит выбор между лояльностью и бунтом у обладателя непосредственного контроля над силовым ресурсом. Скажем, в каких случаях военачальник слушается президента, а в каких — наоборот, организует мятеж с целью захвата власти? когда президент угождает избирателям, а когда, пользуясь предоставленной ему силой, действует исключительно в собственных интересах? Ведь если армия послушается военачальника или президента, что она и должна делать, как ее смогут обуздать избиратели, если они не представляют собой организованной силы?

Как уже отмечалось, действенный контроль неотделим от системы принуждения или, что то же самое, наказания. Следовательно, в тех случаях, когда демократический правитель не злоупотребляет доверием своих избирателей и не превращается в диктатора, это связано с наличием у них возможности наказать его — нанести ему ущерб, по меньшей мере, сводящий к нулю выгоды от злоупотребления. Та же логика лежит в основе любой другой власти или контроля. Наказание, которое понесет такой народный избранник, будет состоять в неподчинении ему и неизбежном последующем устранении от должности. Однако имеется и множество исторических примеров, указывающих на возможность безнаказанного злоупотребления властью со стороны демократических правителей, завершающегося установлением диктатуры. Возникает вопрос: от чего зависит власть, позволяющая ее обладателям пользоваться доступом к силовому ресурсу без опасения наказания?

Для ответа на этот вопрос может быть полезной концепция конвенциональных ожиданий, развитая Дж. М. Кейнсом применительно к фондовому рынку [4, гл. 12; 18]. Согласно этой концепции, ожидания будущего, являющиеся определяющим фактором для цен на финансовые активы, зависят от преобладающего на рынке мнения относительно общего мнения насчет будущего. Игроки ожидают роста цен,

² Наглядная историко-художественная иллюстрация этого принципа содержится в коротком рассказе А. И. Солженицына о японских военнопленных, оказавшихся в одной камере с советскими уголовниками. Когда последние, начав отнимать у японцев хлеб и сахар, встретили организованный отпор, выявивший приблизительное равенство их силовых потенциалов, в камере восторжествовало равенство в распределении тюремной пайки. Примечательно, однако, что в этой истории внешняя сила в лице тюремной администрации была заинтересована в установлении иерархического перераспределительного порядка, для чего одна из групп (японская) была намеренно ослаблена путем ее разделения с последующей рассортировкой по другим камерам. В результате в первой камере осталась только одна крупная организованная — воровская — группа, установившая иерархический порядок в распределении. Таким образом, эта история иллюстрирует и значимость различий в организационных возможностях для возникновения иерархии, и манипулирование властью этими различиями для разных групп с целью поддержания своего силового преимущества [12, с. 159].

если полагают, что то же самое ожидается и большинством других игроков. И в этом они не ошибаются, поскольку от преобладающего мнения зависит общее направление сделок и, вместе с ними, цен.

Подобным образом может складываться ситуация и на политическом рынке. Люди выбирают между подчинением и бунтом подобно тому, как это делается в отношении покупки и продажи актива. Подчиняясь кому-то или чему-то, человек делает ставку на это, так же как он ставит на некий актив, покупая его и храня у себя. Соответственно, и бунт — это нечто подобное скидыванию активов. В основе всех этих действий лежат ожидания отдачи от них. Сами же эти ожидания в огромной степени формируются конвенционально — в результате стремления каждого выбрать стратегию большинства.

В этом же смысле и власть покоится на конвенциональных ожиданиях, а именно, люди подчиняются не столько другим людям как таковым, сколько правилам в меру их соблюдения остальными людьми. Чтобы довести эту мысль до логического конца, представим диктатора, от которого мечтали бы избавиться решительно все его подданные. Откуда тогда могла бы проистекать его власть? Из рассеянного в обществе ожидания, что в случае бунта все встанут на его сторону — опять-таки встанут не из преданности ему, а из страха наказания, исполнителями которого будут другие подданные диктатора в силу той же мотивации. Всеми нелюбимый диктатор может оставаться у власти благодаря выгодному ему общественному мнению об отношении к нему его подданных. Ему выгодно, чтобы каждый из ненавидящих диктатора подданных думал, что таких, как он, немного, а остальные лояльны ему и встанут на его сторону в случае бунта. В этом случае даже его противники будут внешне лояльны ему.

Такого рода механизм, определяющий равновесные стратегии поддержки власти, описывал Макиавелли, указывая, в частности, на то, что «заговоры возникали часто, но удавались редко. Объясняется же это тем, что заговорщик не может действовать в одиночку и не может сговориться ни с кем, кроме тех, кого полагает недовольными властью. Но открывшись недовольному, ты тотчас даешь ему возможность стать одним из довольных, так как, выдав тебя, он может обеспечить себе всяческие блага» [5, с. 99]. Даже если бунт уже начался, он может угаснуть, поскольку, как указывает Макиавелли, будучи вместе народные массы храбры, поодиночке же «не доверяют друг другу и покорно им [государям] повинуются» [6, с. 180]. Иными словами, подчинение власти, отказ каждого от бунта проистекает из преобладающих ожиданий относительно сопротивления других граждан бунту. В то же время, Макиавелли допускает возможность бунта при наличии обратных конвенциональных ожиданий [5, с. 104].

Поддержка власти — это как следование правилу в соответствии с народной теоремой. Неподчинение правилу будет означать, что твои действия идут вразрез с действиями большинства. В таком смысле можно истолковать изречение Людовика XIV «государство — это я». Признание его личной воли в качестве закона является общепринятым правилом, делающим предсказуемым поведение людей и позволяющим предсказать, что, если ты поднимаешь бунт, другие выступят против тебя, и не из подлинной лояльности, а из самосохранительной стратегии действовать, как все.

Такая трактовка власти позволяет понять анархию, возникшую в России после отречения Николая II. Царь для подавляющей массы народа был институтом, позволявшим каждому отдельно взятому человеку формировать корректные ожидания относительно поведения других. Утрату такого института, как царь, можно уподобить ситуации, в которой в один прекрасный день были бы отменены правила дорожного движения, так что людям на дороге приходилось бы действовать при отсутствии необходимой координации и стимулирования. Естественно, в этой ситуации возникает хаос, когда стратегия каждого формируется без какого бы то ни было учета интересов других.

Такой же персонифицированный институт, обеспечивающий порядок в обществе, описывал М. Ростовцев в своем труде по социально-экономической истории Римской империи. В частности, он отмечал, что «если и было нечто, обеспечивающее целостность ткани империи и гарантирующее ее существование, если и был институт, популярный в массах, это была имперская власть и личность правящего императора» [28, р. 507].

Если именно конвенциональные ожидания являются источником власти, то в таком же ключе можно истолковать и демократическую власть, только при ней общепринятым правилом является не личная воля монарха, а безличный принцип. Президент в этом случае будет подчиняться воле избирателей в силу той же логики, которая заставляет людей подчиняться монарху. Он ожидает, что остальные его не поддержат в его выступлении против закона, и поэтому является законопослушным, так же, как слушаются диктатора.

Таким образом, демократия и диктатура различаются характером диктатуры, а именно, диктатура может быть личной и безличной³. Личная диктатура отличается тем, что имеет тенденцию следовать специальному интересу в ущерб интересам большинства, а безличная, будучи бесстрастной, не обладает этим недостатком. С другой стороны, если диктатор является нравственным и интеллектуальным гением, вероятно, его личная диктатура будет лучше безличной (если как-то решить вопрос с аккумуляцией информации, рассеянной в обществе).

Согласно вышеописанной концепции Норта, порядки ограниченного и открытого доступов различаются также и преобладающим характером связей между людьми, а именно, в первом случае доминируют персонифицированные, а во втором — неперсонифицированные связи. В условиях верховенства закона безличный принцип находится в одинаковой, безличной, связи с каждым, делая людей стандартными единицами и так придавая всем отношениям безличный характер и порождая всеобщее равенство. При личной же диктатуре воля монарха, являясь обязательным правилом, делает таким же правилом и его различное отношение к разным людям, а отношение тех людей — к другим людям. Таким образом, характер связей между людьми может быть поставлен в соответствие характеру диктатуры. Устойчивость же диктатуры — будь то личная или безличная — определяется преобладающим мнением по поводу отношения к этой диктатуре со стороны большинства.

Итак, строй общества, важнейшей составной частью которого являются конвенциональные ожидания относительно общепринятого набора стратегий социального поведения, определяет доступность организации и, вместе с ней, доступность силового ресурса и степень имущественного неравенства. При прочих равных условиях безличная диктатура закона наделяет всех равным силовым потенциалом через всеобщую причастность к одной и той же организационной структуре, дающей возможность каждому эффективно предотвращать его эксплуатацию. Ведь последняя возможна в условиях безнаказанности, проистекающей из силового неравенства, и, соответственно, равный доступ к силовому ресурсу должен обеспечить и равенство в распределении дохода.

Игровой анализ конвенциональных ожиданий на политическом рынке

Формирование равновесной стратегии в зависимости от распределения бунтовщиков и верных власти в случае бунта можно представить в виде игры «Подчиниться или бунтовать».

	В	Подчиниться	Бунтовать
А		p_i	$1 - p_i$
Подчиниться		5,5	10,-5
Бунтовать		-5,10	15,15

Рис. 1. Игра «Подчиниться или бунтовать»

Представленный здесь числовой пример можно интерпретировать как известную каждому матрицу выигрышей в зависимости от соотношения выбранной индивидом стратегии и стратегии, выбранной другими. Выигрыши, лежащие на главной диагонали, каждый получает в случае соответственно всеобщей поддержки власти и всеобщего бунта. Представленный пример основан на допущении, что существующая власть невыгодна никому в обществе, в результате чего новый режим, который бы возник в результате всеобщего бунта, обеспечил бы значительно больший выигрыш каждому, чем всеобщее подчинение. Однако, хотя всеобщее подчинение и уступает всеобщему бунту по ожидаемому выигрышу, оно все же сулит каждому положительный выигрыш, проистекающий из создаваемого существующим режимом порядка в обществе.

На побочной диагонали лежат выигрыши бунтовщика и лояльного, если они разделятся в выборе своей стратегии и стратегия лояльного окажется доминируемой. В соответствии с идеей Макиавелли о том, что лояльный в условиях потенциального или реального бунта «может обеспечить себе всецелые блага» со стороны благодарного правителя, лояльность в этом числовом примере позволяет увеличить выигрыш через участие в подавлении бунта. Бунтовщик же, если его ожидания относительно стратегий других (представленных здесь стратегией другого игрока: для А — это В, для В — это А) не оправдываются и он терпит поражение, получает отрицательный выигрыш, соответствующий наказанию со стороны победившего правителя.

В данном случае возникает стандартная задача максимизации ожидаемой полезности индивида в зависимости от ожидаемой стратегии остальных. Игрока А, как и игрока В, можно рассматривать

³ Идея личной и безличной диктатуры перекликается с идеями вселенского миропорядка, одни из которых во главе его стоят личное, а другие — безличное начало.

в качестве делающего выбор между подчинением или бунтом. Результат этого решения зависит от решения другого игрока, который выступает как репрезентативный представитель соответствующего общества. Если в качестве принимающего решение взять А, а В — как репрезентативного гражданина, то ожидаемая полезность А от лояльности U_l^A в зависимости от смешанной стратегии В (задается вероятностью p_l) определяется следующим образом:

$$U_l^A = p_l 5 + (1 - p_l) 10 = 10 - 5 p_l. \quad (1)$$

Соответственно, ожидаемая полезность А от участия в бунте U_r^A будет определяться из выражения

$$U_r^A = p_l(-5) + (1 - p_l) 15 = 15 - 20 p_l. \quad (2)$$

Отсюда можно найти критическое значение вероятности p_l , задающее равенство ожидаемой полезности А от выбора обеих стратегий:

$$U_l^A = U_r^A \Leftrightarrow 10 - 5 p_l = 15 - 20 p_l$$

$$p_l^* = 1/3.$$

Вероятность p_l того, что случайно выбранный из толпы индивид станет защищать власть от бунтовщиков, задается долей таковых в общей массе. Поэтому рассчитанное в данном примере значение вероятности соответствует пограничному значению доли лояльных, так что здесь рациональный индивид выигрывает от присоединения к бунту, только если доля лояльных составляет меньше 1/3. Таким образом, соотношение выгод от лояльности и бунта задает критическое значение доли лояльных, которое определяет доминирующую стратегию рационального индивида. Если фактическое значение этой доли отличается от критического в любую сторону, одна из рассматриваемых здесь стратегий оказывается доминируемой. Тогда, согласно народной теореме, доля выбирающих доминируемую стратегию будет убывать. Результатом будет кумулятивный эффект — разница между двумя стратегиями в ожидаемом выигрыше будет расти, стимулируя переход из лагеря выбирающих доминируемую стратегию к следующей доминирующей стратегии, что, в свою очередь, будет дальше изменять долю и разницу в выигрышах в пользу тех, кто следует доминирующей стратегии. Так, если в начальный момент доля находилась на критическом уровне, любое ее отклонение от этого уровня создаст усиливающуюся тенденцию к дальнейшему движению в сторону этого отклонения, пока все индивиды не объединятся в одной группе лояльных или бунтовщиков.

Такого рода конвенциональными ожиданиями, задающими доминирующую стратегию для рационального индивида, можно объяснить длительное существование режимов даже в тех случаях, когда подавляющее большинство подданных желало бы от них избавиться.

Личная диктатура и организационное неравенство

Итак, сложившиеся конвенциональные ожидания выступают в качестве основы политического режима, который может допускать различную степень организационного равенства. Полное организационное равенство возможно в идеальном случае безличной диктатуры закона, тогда как глубокое организационное неравенство будет иметь место в условиях личной диктатуры. Изучение личной диктатуры как противоположной крайности может быть полезным не только само по себе, но и для лучшего понимания общей взаимосвязи между организацией, доступностью силового ресурса и распределением дохода.

Политэкономия диктатуры основана на стандартном допущении рациональности, которое предполагает, что поведение диктатора сводится к максимизации его функции полезности. В зависимости от предполагаемых аргументов этой функции разными авторами предлагались различные типологии диктаторов. Р. Уинтоуб разграничивает тоталитарного и жадного ('tin-pot' — «денежный горшок») диктаторов, ориентированных, соответственно, на максимизацию личной власти и личного дохода [30; 24, ch. 18]. П. Грегори выделяет благодушного диктатора, заинтересованного в максимизации общественного благосостояния и, тем самым, экономического роста; оседлого бандита, личный интерес которого также ориентирует его на экономический рост; диктатора-эгоиста, максимизирующего личную власть; и диктатора-рефери, выражающего интересы стоящих за ним групп влияния [3, с. 23-26]. Олсон выделяет типы оседлого и кочующего бандитов, различающихся горизонтами планирования в отношении избираемого населения [23; 27, p. 25-27].

Эти классификации можно обобщить путем выделения нескольких типов максимизаторов. Если допустить приблизительное тождество между оседлым бандитом и жадным диктатором и между эгоистом и тоталитарным диктатором, рефери рассматривать как самостоятельный тип, то выходит три типа максимизаторов — в отношении личной власти, личного дохода и дохода групп интересов. Стратегия же максимизации зависит от горизонта планирования. Короткий горизонт планирования может выражаться в ориентации диктатора или стоящих за ним либо на собственный уход от своих подданных, либо на их замену в ходе репрессивных или военных мер.

Для изучения рассматриваемых здесь закономерностей в области организации особый интерес представляет тоталитарная диктатура. Ее ориентация на максимизацию личной власти диктатора сводится к поиску любых возможностей контролировать все стороны жизни людей.

На полноту власти диктатора влияет лояльность населения и репрессии. Как отмечал Э. Гиббон, «при таком состоянии общества, когда нравы грубы, а храбрость повсеместна, возвышение одного человека должно быть основано на его силе и решимости наказывать врагов и вознаграждать друзей» [20, p. 2814]. Иными словами, диктатор должен следовать выборочным стратегиям наград и наказаний, а именно, друзей миловать, а врагов казнить. Лояльность обеспечивается за счет хорошей жизни для части населения, а репрессии достигают своей цели, когда используются по назначению, т. е. против потенциальных зачинщиков бунта.

Рациональное использование ресурсов в данном случае предполагает разбиение общества на группы по двум таким критериям, как восприимчивость к наградам и наказаниям. Соответственно, перераспределение нужно организовать от тех, кто в любом случае будет против диктатора, к тем, чья лояльность может быть куплена, а острие репрессий, соответственно, должно быть направлено против первых. В результате диктатура с необходимостью оказывается марксовым классовым обществом эксплуатируемых и эксплуататоров, где первые обираются последними с помощью репрессивных возможностей государства⁴.

Успешное осуществление политики выборочных наград и наказаний требует верной информации об истинных друзьях и врагах диктатора, а, в широком смысле, о степени лояльности его подданных, чтобы каждый подданный получал такую порцию наград/наказаний, которая была бы оптимальна в плане поощрения лояльности и предупреждения бунта. И здесь диктатор сталкивается с проблемой, обозначаемой в литературе как дилемма диктатора [24, ch. 18]: выборочная стратегия наград и наказаний необходима для удержания власти, но она стимулирует каждого прикидываться другом диктатора и, соответственно, затрудняет для него идентификацию его истинных друзей и врагов. При этом неопределенность относительно истинного отношения к диктатору будет тем больше, чем активнее его политика наград и наказаний, т. е. чем выше степень перераспределения и жестче репрессии. Это ставит под вопрос всю политику удержания власти диктатора, поскольку ее инструменты — награды и наказания — могут достигать цели лишь при их использовании по надлежащим адресам. Таким образом, суть дилеммы диктатора в том, что диктатору требуется информация о его друзьях и врагах, получение которой затрудняется неизбежной для него политикой.

Проблема решается путем выработки диктатором четких критериев для подразделения общества на группы по их отношению к нему с тем, чтобы к каждой группе применять соответствующую дозу наград/наказаний. Критерием отбора покровительствуемой диктатором группы может быть экономический интерес, идеологическая окраска, социальное происхождение, семейные узы. Соответственно, данная концепция предсказывают направление репрессий против идеологических противников, «враждебных классов» по экономическим интересам или же, как в теории горизонтальных связей Олсона, против подрывающих экономические или политические основы диктаторского режима «сговаривающихся бюрократов» [8; 27, ch. 8; 24, ch. 18]. Успех этой политики, выражающийся в укреплении власти диктатора, будет зависеть от того, насколько корректными оказались выбранные диктатором критерии.

Прецеденты, вписывающиеся в эту концепцию можно без труда обнаружить в далеком прошлом — в истории античности или же древнего востока. Хрестоматийный случай — библейское повествование об отношении египетского фараона к еврейскому народу, в частности, о его неудержимой тяге так распорядиться этой частью своих подданных, чтобы не только извлечь трудовые результаты, но и добиться уменьшения их численности, поскольку в них он видел угрозу для государства⁵.

⁴ Однако, в отличие от марксовой схемы с «антагонистическими классами» здесь допускается большая классовая пестрота: в промежутке между winners и losers могут располагаться различные прослойки с умеренным отношением к диктатору, для которых степень перераспределения и репрессии опять-таки должны быть соответствующими.

⁵ Исх. 1:7–11.

Дилеммой диктатора (все же располагающего надежными критериями для отделения своих от чужих), кажется, можно воспользоваться и при анализе современницы сталинской державы — гитлеровской Германии, использовавшей население завоеванных территорий и военнопленных в качестве рабочей силы с заведомо коротким сроком службы. Германия так поступала с этим населением, поскольку преследовала цели не только производственные, но и военные, истребительные, состоявшие в том, чтобы избавиться от потенциальной живой силы противника, а также очистить территорию, предназначенную для заселения собственными гражданами.

В результате разбиения рациональным диктатором общества на классы по их лояльности, с тем чтобы отвесить каждому соответствующую дозу наград/наказаний, возникает перераспределение от нелояльных к лояльным. В простейшем случае имеет место марксово двухклассовое общество эксплуататоров и эксплуатируемых. В истории было и сохраняется немало примеров таких «классовых» обществ: гражданское и негражданское население в античных полисах; население метрополии и эксплуатируемых ею колоний, подчиненных союзных городов или провинций; «верные» и «неверные» в мусульманских империях, возникших в результате завоевания населенных христианами территорий — эти примеры объединяет наличие различных правовых норм для двух разных классов.

Организационные особенности молодой диктатуры

Дилемма диктатора, решаемая вышеописанным способом, характеризует положение правителя, действующего в условиях относительной стабильности социальной структуры и определенности критериев разграничения друзей и врагов. Но возможны и диктатуры, вынужденные действовать в условиях социальной неоднозначности — при отсутствии надежных критериев определения лояльности и, соответственно, невозможности надлежащего распределения граждан по прослойкам. Такие диктатуры могут сложиться в результате социального переворота — перемены мест верхов и низов, возможной, когда верхи утрачивают свою силу. В этом случае тот, кто сумеет организовать низы, чтобы ударить по верхам в момент их слабости, станет новым диктатором⁶.

Высокая социальная неоднозначность в результате социального переворота может возникнуть по причине исчезновения прежних социально-экономических прослоек. Этому способствует также и уменьшение благосостояния общества. Низвергнутые высшие классы должны перейти в оппозицию, но по причине гонений они будут скрывать свое происхождение, пытаясь «перекраситься» под бывшие низы. Часть социально не проигравшей середины и социально выигравших низов также могут быть недовольны, во-первых, из-за снижения общего благосостояния, во-вторых, из солидарности с поверженными верхами.

Различные стратегии поведения диктатора в зависимости от степени социальной неоднозначности дают основания разграничивать старую и молодую диктатуру. Молодая диктатура возникает в условиях недавнего социального переворота и связанного с ним перемешивания общества, из-за чего вынуждена действовать в условиях социальной неоднозначности. Таким образом, в отличие от описанных выше типологий диктатур, разграничение старой и молодой диктатуры основано не на целевой функции (она может быть всех трех типов), а по ограничениям, с которыми сталкивается диктатор: приходится ли ему опираться на сложившуюся групповую структуру, которая позволила бы вести стабильную перераспределительную политику на основании четких критериев, или действовать в условиях социальной неоднозначности и потому вести изменчивую перераспределительную политику на основании размытых и/или подвижных критериев.

Макиавелли замечал, что новому государю труднее сохранить власть, поскольку он сталкивается с большим количеством угроз [5, с. 93], что отличает его от старого правителя, у которого «меньше причин и меньше необходимости притеснять подданных» [5, с. 51]. Поскольку молодой диктатуре приходится действовать в условиях еще не сложившейся групповой структуры, ей точно не может быть известно, на кого опереться и кого считать противниками. В этой ситуации Макиавелли считал необходимым для государя «сделать богатых бедными, а бедных — богатыми» [6, с. 166], т. е. опереться на тех, кого он возвысил, и максимально ослабить тех, от кого он не может ожидать поддержки. Помимо этого, для учредителя новой диктатуры тотальная переделка всех сторон жизни в обществе может иметь смысл в плане разрушения организационных структур, на которые могли бы опираться его противники, ратующие за сохранение старого порядка.

⁶ Но кроме этого перераспределительного аспекта, есть и аспект аллокативный. Верхи и низы различаются не только своими долями в общем пироге, но и специальностью. Место в иерархии определяется также и сравнительной значимостью соответствующей профессии. Так, высокая значимость военных предопределила их высокое место на средневековом Западе, а их вытеснение буржуазией в Новое время, опять-таки, было вызвано изменением их сравнительной роли в сообщении обществу силы и богатства [10, с. 288-289].

Вместе с тем, в условиях молодой диктатуры особенно рельефно проявляются такие свойства любой диктатуры, которые были обозначены Виттфогелем как тотальный террор, тотальное подчинение, тотальное одиночество [31, р. 137]. Одинок правитель, поскольку никому не может доверять. И это опасно тем, что инструментами его власти являются другие люди, а он как «хозяин инструмента — также его слуга» [31, р. 343], ибо целиком от него зависит.

Одинок и высшие чиновники, поскольку всегда должны опасаться немилости правителя и быть подозрительными к низшим, ведь снизу может прийти их соперник. Тотальное одиночество и среди простых людей, так как все опасаются быть вовлеченными в какие-либо дела с государством, которые не сулят ничего, кроме дополнительного бремени или обвинения. Заклейменный в преступлении против государства будет оставлен всеми, поскольку все боятся той же участи. И все всех подозревают в доносите́льстве [31, р. 156–160].

Такой остроты одиночество достигает именно в условиях личной диктатуры по причине того, что из трех выделенных Виттфогелем типов конкуренции конкуренция в рамках диктаторского режима связана с наибольшими потенциальными потерями. Так, если при капитализме — на рынке — проигрыш приводит к потере собственности, при феодализме — на поле боя — поражение чревато потерей жизни, то при деспотизме — на государственном поприще — любая ошибка чревата потерей собственности, жизни и чести [31, р. 337].

В ситуации, когда отсутствуют надежные критерии для отделения лояльных от нелояльных, правитель вынужден решать «проблему Ирода» — бороться с противником, которого он не может идентифицировать [9]. Это предполагает необходимость предусматривать для возможных друзей и врагов одинаковую участь. В разных случаях она может быть разной, как это и было в случае сталинской диктатуры: смертная казнь для коммунистической аристократии в 1937–1938 гг.; отсутствие заботы о сохранении жизни для советских военнопленных; расположение всех в определенной нижней прослойке, как это было со специалистами в шарашках.

При осуществлении этой политики определяющее значение, опять-таки, имеет организационное превосходство молодого диктатора над своими подданными. То, что простые советские граждане, лишь будучи организованны, могли бы блокировать террор, было показано Р. Гроссманом в его игровом анализе реальной истории с одним арестованным врачом. Основным механизмом террора было выбивание показаний и признаний, обеспечивавших одновременно и выполнение любых плановых заданий и хотя бы какую-то правовую основу. Этот же врач пошел на оговор решительно всех, кто принадлежал к его профессии в том регионе [21].

Такая стратегия в случае ее массового применения представляла бы собой безотказное противостояние против используемого властью механизма, поскольку, позволяя каждому удовлетворять требования власти, быстро сделала бы для нее невозможным сколько-нибудь длительное продолжение террора. Однако эта стратегия, вопреки тому, что пишет Гроссман, никогда не применялась в массовом масштабе. И не могла применяться именно по причине отсутствия организации среди низов.

Это иллюстрирует значение организации. Низы при наличии организации могли бы договориться следовать указанной стратегии, обезоружив этим диктатора. Но сила последнего как раз в том и состояла, что он пользовался организацией, направляя директивы и координируя деятельность своей группы, тогда как его подданные были всего этого лишены, и лишены именно его усилиями.

Не менее важным является и организационное превосходство диктатора перед элитой, что было показано Р. Гуриевым и К. Сониным с помощью модели отношений диктатора и олигархов [22]. Пользуясь стратегией «разделяй и властвуй», «сильный диктатор» может действовать в своих интересах, манипулируя относительной силой коалиций и в каждый момент выступая на стороне сильнейшей из них. Тем самым, отсутствие достаточного порядка в отношениях между олигархами, установлению которого и призван служить сильный диктатор, вместе с тем позволяет ему в организационном плане пользоваться преимуществом перед ними.

Социальная стратификация при молодой диктатуре

Решая «проблему Ирода», рациональный диктатор хотя и подразделяет общество на прослойки по их лояльности, но отнесение конкретных людей к тем или иным прослойкам имеет ориентировочный характер. Сознвая приблизительность распределения людей по категориям, диктатор помимо стратегии библейского Ирода — «профилактических чисток» [15, с. 197] — встраивает в свою социально-политическую систему механизм, обеспечивающий ротацию подданных по про-

слойкам. В качестве такого механизма могут выступать плановые задания внутренним органам, состоящие в перемещении определенных долей различных прослоек вверх и вниз (рис. 1).

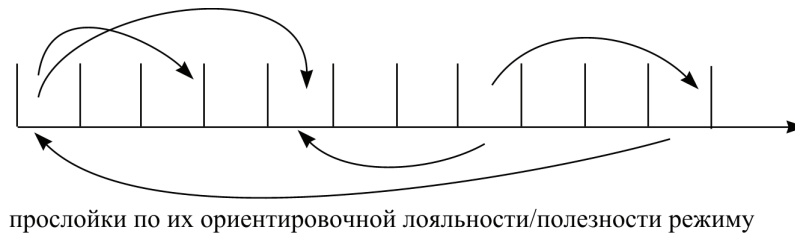

Рис. 1. Ротация населения по прослойкам

Подобная градация существует и в условиях безличной диктатуры закона, но в этом случае за основу берется то, что человек сделал, а не то, что может сделать, как в случае личной диктатуры. Градация населения при безличной диктатуре не исключает размещения в одних прослойках людей разной ценности для режима, но разброс внутри прослойки должен быть несравненно меньше из-за гораздо более надежного критерия в виде дела, а не скрытых намерений. В результате режим личной диктатуры должен характеризоваться большей социально-экономической однородностью населения, сравнительно с режимом безличной диктатуры, поскольку ожидаемая полезность нижней прослойки включает вероятный выигрыш в случае повышения, а ожидаемая полезность верхней прослойки — вероятные потери в случае падения (рис. 2).

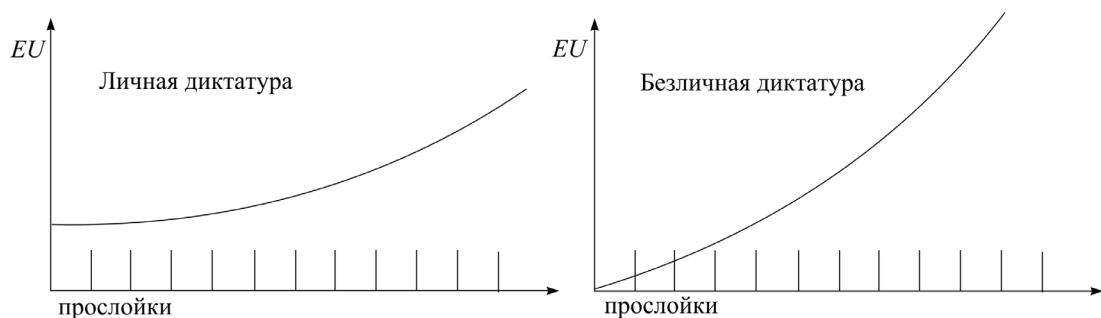

Рис. 2. Изменение ожидаемой полезности при переходе из прослойки в прослойку при личной и безличной диктатурах

В условиях безличной диктатуры распределение населения по прослойкам (по крайней мере, в большей степени) задается объективными заслугами, а не превратностями личных отношений внутри иерархии. Поэтому ни у находящихся на вершине общества, ни у располагающихся внизу нет серьезных оснований ожидать изменения своего положения. Наоборот, в условиях личной диктатуры в верхних и нижних прослойках могут располагаться люди одинаковой потенциальной ценности для общества и для режима в силу гораздо более случайного характера для отдельного индивида ротаций, из-за чего каждый может предполагать такое же случайное перемещение снизу вверх или наоборот.

Случайный характер может создать и еще одно отличие личной диктатуры от безличной. При безличной диктатуре доля граждан, находящихся в нижних прослойках, в том числе подлежащих казни или обрекаемых на смерть, может быть меньше, поскольку здесь у всех есть возможность соответствовать критериям добропорядочных граждан, а при диктатуре такой возможности нет. Таким образом, стимулы, создаваемые этими режимами, различны. Безличная диктатура наказывает за реальные преступления, побуждая избегать их совершения, из-за чего доля преступников должна быть сравнительно невелика. Личная же диктатура карает на всякий случай в результате выполнения плановых заданий. Случайный характер такого рода наказаний сравним со слепым роком и не создает никаких стимулов, поскольку не дает ориентира в отношении того, что можно и что нельзя (рис. 3).

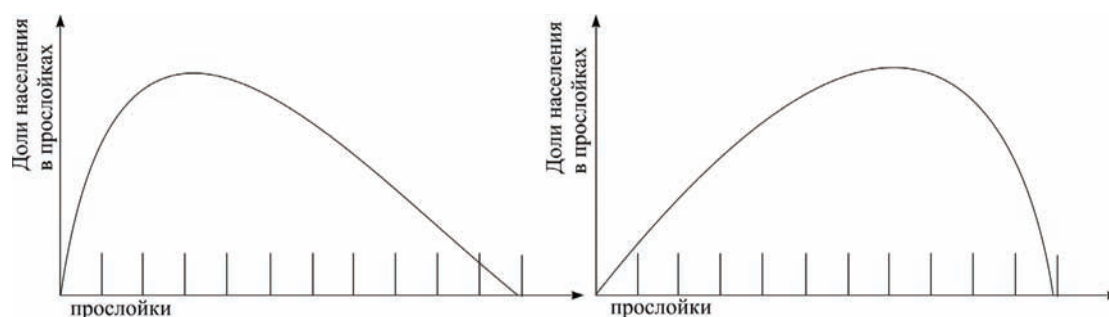

Рис. 3. Плотность распределения прослоек общества при личной и безличной диктатурах

На рис. 3 эта разница проиллюстрирована с помощью разных форм плотностей распределения прослоек. Плотность распределения в условиях личной диктатуры характеризуется положительной асимметрией, тогда как безличная диктатура будет характеризоваться асимметрией отрицательной. Даже если коэффициенты асимметрии для этих режимов соотносятся иначе, вершина плотности распределения для безличной диктатуры должна располагаться правее. Это значит, что полезность, получаемая медианным гражданином, при безличной диктатуре будет больше, чем при диктатуре личной.

Гипотеза

Эти рассуждения можно представить в виде следующей гипотезы: инициатор молодой диктатуры, оказавшийся в итоге успешным (продержавшийся долго у власти и умерший своей смертью), должен производить постоянную ротацию населения по прослойкам. Хотя и старая диктатура может быть вынуждена решать проблему социальной неоднозначности и, тем самым, «проблему Ирода»⁷, в случае молодой диктатуры эти проблемы стоят гораздо острее и в гораздо большей степени определяют ее выживание. Поэтому именно в случае успешной молодой диктатуры следует ожидать систематической политики ротаций и «социальной профилактики».

Каких диктаторов можно отнести к разновидности рационального, с точки зрения этой гипотезы? В античной истории подходит пример Луция Корнелия Суллы, деятеля времен гражданской войны в Римской республике. Он едва ли не единственный за республиканский период диктатор, который удерживал власть столько, сколько счел для себя нужным, и умер собственной смертью в почете и уважении.

Среди мер, к которым он прибегал для этого, наиболее известны проскрипции — списки граждан, объявленных вне закона, которые вывешивали на улицах, позволяя любому расправиться с ними и завладеть их имуществом. Тем самым проскрипции стали инструментом массовых казней богатых и влиятельных римских граждан, совершенных руками других граждан. Использование этого инструмента позволило Сулле сменить независимую от него элиту новой элитой, целиком ему обязанной своим возвышением и обогащением [7, т. II, гл. 10; 29, р. 112-116].

Подобными, хотя и не такими кровавыми, методами пользовались и другие ставшие успешными основатели новых династий, узурпаторы, бунтовщики или реформаторы, такие как Октавиан, Диоклетиан, Константин, Юстиниан, Василий Македонянин или Василий Болгаробойца [20; 28; 29].

Вместе с тем имеется и немало примеров гибели новых правителей по причине пренебрежения ими проблемой обеспечения своей власти. Римский диктатор Гай Юлий Цезарь своей преждевременной смертью подтверждает правило, поскольку явно не позаботился обновить состав сената (этот урок усвоил усыновленный им Октавиан, что позволило ему стать первым императором и дожить до старости). Печальная судьба «солдатских императоров» III в., которые становились жертвами преторианцев, также соответствует основному предсказанию гипотезы, поскольку своей участью они были обязаны отсутствию с их стороны необходимой ротации в этих, ключевых для безопасности императора, рядах.

⁷ Хотя с «проблемой Ирода» сталкивается прежде всего молодой диктатор, в той или иной степени эту проблему может быть вынужден решать и старый диктатор. Лояльность верхов может быть сомнительной из-за двух возможных мотивов: верхи могут оформиться в группу интересов, рассматривающую диктатора в качестве своего рефери и, соответственно, допускающую его замену кем-то более отвечающим их запросам; либо же часть верхов, пользуясь своими привилегиями, может попытаться организовать низы для социального переворота с тем, чтобы на этой волне подняться еще выше.

Заключение

Теперь можно обобщить вышесказанное следующим образом. Конвенциональные ожидания определяют общественный строй в форме безличной или личной диктатуры, который, в свою очередь, задает организационные предпосылки для деятельности разных социальных групп. Различия в этих предпосылках, доступ к организации для элиты сравнительно с ограничением доступности для низов, являются источником силового неравенства. Обладатели силового преимущества, проистекающего из их эксклюзивных организационных возможностей, естественно стремятся зафиксировать свое преимущество, ограничив доступ к организации. Это означает, что организационное неравенство является как источником, так и следствием неравенства силового.

Разница между безличной и личной диктатурами и между молодыми и старыми разновидностями последней определяется доступностью организации: на одном конце спектра будет располагаться безличная диктатура с высокой степенью организационного равенства, а на противоположном конце — личная молодая диктатура с глубоким организационным неравенством.

То, что молодая диктатура характеризуется большим неравенством сравнительно со старой диктатурой, вытекает из ее основного свойства — монополии диктатора на долгосрочный доступ к организации; для всех остальных в отсутствие сложившейся групповой структуры и при систематических масштабных ротациях возможен лишь временный, не гарантированный доступ к организации. Старая же диктатура, опирающаяся на укоренившуюся групповую структуру, по существу, делится долгосрочными организационными возможностями со своими группами поддержки. Долгосрочный характер организационным возможностям этих групп придает однозначность групповой структуры по лояльности к диктатору и связанное с этим отсутствие серьезных ротаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 2. СПб.: Типография; М.: Меркушева, 1910.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь Мир, 2006.
3. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008.
4. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М. Эконов, 1993.
5. *Макиавелли Н.* Государь // Государь. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
6. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Государь. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
7. *Моммсен Ф.* Римская история. Т. 1–5. М.: В.Ф. Рихтер, 1887.
8. *Олсон М.* Институциональные изменения, рассредоточение власти и общество в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998. С. 388–428.
9. *Скоробогатов А.С.* Дилемма диктатора и «проблема царя Ирода»: особенности советской системы принудительного труда // Экономика и право / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Наука, 2009. С. 139–168.
10. *Скоробогатов А.С.* Институциональное понимание истории // Экономика и институты / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 170–190.
11. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. Т. 2.
12. *Солженицын А.И.* Раковый корпус. СПб.: Азбука-классика, 2006.
13. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.
14. *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I.* От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
15. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН., 1996.
16. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
17. *Bean R.* War and the Birth of the Nation State // Journal of Economic History. 1973. Vol. 33. No. 1. pp. 203–221.
18. *Crotty J.R.* Are Keynesian Uncertainty and Macroeconomics compatible? Conventional Decision Making, Institutional Structures, and Conditional Stability in Keynesian Macromodels // New Perspectives in Monetary Macroeconomics. Explorations in the Traditions of Human Minsky. Dymski G. and Pollin R. (eds.), Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. pp. 105–139.
19. *Fogel R.W.* Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. N.Y.: Norton, 1989.
20. *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. 1–6. eBookMall, Inc., 1776–1789 (2001).

21. *Grossman P.Z.* The Dilemma of Prisoners: Choice during Stalin's Great Terror, 1936–38 // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. No. 1. pp. 43–55.
22. *Guriev S., Sonin K.* Dictators and Oligarchs: A Dynamic Theory of Contested Property Rights // *Journal of Public Economics*. 2009. Vol. 93. No. 1. pp. 1–13.
23. *McGuire M.C., Olson M.* The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34, No. 1. pp. 72–96.
24. *Mueller D.C.* *Public Choice III*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
25. *North D.C.* *Structure and Change in Economic History*. N.Y.: Norton, 1981.
26. *North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
27. *Olson M.* *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. N.Y.: Basic Books, 2000.
28. *Rostovtzeff M.* *The Social and Economic History of the Roman Empire*. N.Y.: Oxford University Press, 1926 (1998).
29. *Rostovtzeff M.* *Rome*. Sec. Ed. NY: Oxford University Press, 1928 (1960).
30. *Wintrobe R.* The Tinpot and the Totalitarian: An Economic Theory of Dictatorship // *American Political Science Review*. 1990. Vol. 84. No. 3. pp. 849–872.
31. *Wittfogel K.A.* *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven and London: Yale University Press, 1957.